У характера Вэй Шу определенно была прекрасная сторона: он ко всему относился легко, ни к чему не придирался, был отстраненным, но мягким, а все свои симпатии и антипатии прятал глубоко в сердце, никогда прежде не проявляя столь бурных эмоций.

— Раньше ведь тоже все было розовым, — тихо возразила Цю Шулань, чувствуя себя неуверенно.

— Мне плевать, какого цвета была комната. Мне важно то, что я сказал: я не хочу розовый. Я так и сказал.

Тон нельзя было назвать яростным, он стал намного спокойнее. Высказавшись, Вэй Шу прямиком вышел за дверь.

Он не стал вызывать лифт и его фигура скрылась на лестнице.

Когда Вэй Юй выбежала следом, буря уже улеглась, и след брата простыл.

Глядя на пустой и тихий коридор, Вэй Юй обернулась и растерянно произнесла:

— Мам, почему братик разозлился?

Вэй Юй тоже испугалась, но она понимала, что гнев брата был направлен на маму.

Цю Шулань подняла с пола чемодан, который сын бросил у входа, и, услышав вопрос, посмотрела на дочь:

— Не знаю.

Хоть она и говорила, что не знает, в душе все прекрасно понимала. Будучи писательницей, она могла без всякого напряжения препарировать психологию десятков персонажей в своих книгах, а значит, с легкостью могла проанализировать и душевное состояние собственного сына.

Кажется, она слишком привыкла к покладистости Вэй Шу, забыв, что он тоже ребенок.

Послушный ребенок.

Послушный ребенок, чью обиду так легко не заметить из-за его удобности.

Погладив дочь по щеке, Цю Шулань опустила голову и спросила:

— Ты знаешь, какой цвет любит твой брат?

Вэй Юй посмотрела на нее наивным взглядом и послушно выдала два слова:

— Знаю.

— Мама разозлила братика, Синсин составит маме компанию, чтобы помочь ему поменять мебель?

*

Юньтун Яюань был невысоким: если прибавить двухуровневую квартиру на верхнем этаже, получалось всего шестнадцать этажей, так что Вэй Шу совершенно не устал, сбежав вниз по лестнице.

Накапливавшееся долгое время подавленное состояние взорвалось искрами, оставив в груди тусклые пятна.

Пнув бордюрный камень, Вэй Шу тихо выругался:

— Бесит.

В этом раздражении куда больше было горькой обиды. На самом деле ему было всё равно и на переезд, и на новую школу, и на розовую спальню.

Стоило лишь предупредить заранее, пусть даже бросив мимоходом фразу, не требующую согласия — это было бы куда лучше, чем бездушное уведомление.

Он вовсе не злился, его просто душила обида.

Сторож у северных ворот сидел в будке и заваривал чай: несколько сушеных фиников упали в стеклянную банку стертыми от времени пальцами, и горячая вода хлынула на дно, поднимаясь наверх.

Звук перешел от звонкого к глухому.

Вэй Шу стоял у окна, устремив взгляд на кружку с заваренными финиками. Стеклянные стенки изнутри уже окрасились в коричневый цвет от чайного налета, а горлышко покрылось толстым слоем бурых разводов.

Вэй Шу передернуло от отвращения.

Отозвав взгляд, он постучал по стеклу и холодно произнес:

— Карточки нет.

Термос глухо стукнулся о стол, сторож поднял голову — в глазах подростка уже не осталось той невозмутимости, с которой он пришел, в них читалось явное нетерпение.

Сторож открыл калитку, не посмев сказать ни слова.

И лишь когда Вэй Шу отошел далеко, он, сдувая пенку с чая, проворчал:

— И что с того, что из большого города? Даже у внука старика с южных ворот манер больше.

Он не знал паренька, который пришел сегодня, но отлично знал девчушку, что спускалась звать его брата — они переехали в девятый дом на шестнадцатый этаж два месяца назад.

Сплетники во дворе болтали, будто они из Яньчэна. Когда те осматривали квартиру, сразу положили глаз на двухуровневый пентхаус на верхнем этаже и выложили всю сумму наличными, не торгуясь. Риелтор тогда попался зеленый, проводил первую в жизни сделку, просто на седьмом небе от счастья — при каждом удобном случае хвастался.

Но подумаешь, из большого города! По тому, как он зыркнул глазами, сразу ясно — ничего хорошего из себя не представляет.

Выйдя из жилого комплекса, Вэй Шу взглянул на наручные часы: двенадцать часов и шесть минут.

С семи часов вчерашнего дня он ничего не ел, но сейчас почему-то не ощущал и намека на голод.

Вэй Шу подумал, что, должно быть, просто объелся злости.

Разблокировав телефон, он увидел, что экран завален сообщениями от Шао Ди — от одного только чтения текста через стекло начинали болеть уши.

- Кто сказал, что я не донесу? Я носил! Донесу!

Ниже шло еще с десяток стикеров.

- Продать обувь? Ну знаешь… всё это лимитированные коллекции, продать их никак нельзя, братишка Шу, давай это обсудим.

- Похож на Хань Шицзяна?!! И с чистыми манерами? Есть фото? Есть фото? Есть фото? Есть фото? Есть фото? Есть фото?

Вэй Шу ответил: «…»

- Я вообще не могу представить Хань Шицзяна с чистыми манерами. Какой из этого старого негодяя чистюля? У меня только мысль мелькнула, а уже мурашки по коже.

Вдобавок он скинул картинку с подписью: Смотри.

Хань Шицзян: Чертню несешь.

Руки тоньше и нежнее девичьих, какие к черту мурашки.

Шао Ди прислал в ответ смайлик.

- Розовая девочка-модница: Ин-ин-ин.

Хань Шицзян: …Отвали, дед.

В чате царило веселье, и гнев в душе Вэй Шу немного утих. Он уставился в экран телефона и, не глядя по сторонам, наугад завернул за угол.

И с чего это Шао Ди вообще притащил электроскутер? Этот молодой господин повсюду ездил на личных машинах с водителем, он электромопед-то вряд ли вживую видел.

- Нет фото. Я же не ты, чтобы каждого симпатичного человека в чат скидывать. Ты полистай общий альбом, сколько сотен девчонок там с твоих тайных снимков?

Увидев сообщение Вэй Шу, Хань Шицзян выключил беговую дорожку, вытер пот с лица одной рукой и совершил видеозвонок.

Вэй Шу поднял телефон и принял вызов. Собеседник спросил:

— Братишка Шу, как новое жилье?

Вспомнив недавнее, Вэй Шу пнул валявшуюся на дороге пластиковую бутылку и ответил:

— Так себе.

Сидевший по ту сторону экрана Хань Шицзян нахмурился. Хотя они с Вэй Шу подружились только в старшей школе, он прекрасно знал его характер.

Вэй Шу привык отвечать «нормально», а не «так себе». Если уж человек говорит такие слова, это исчерпывающе объясняло ситуацию — дело действительно дрянь, и это его сильно задело.

Изменив тон на более серьезный, Хань Шицзян спросил:

— Что случилось?

— Госпожа Цю снова сделала мою спальню розовой, — выдохнул Вэй Шу, вновь чувствуя нахлынувшее раздражение. Он с силой наступил на бутылку, сплющивая ее, и одним ударом отправил в подземный мусорный бак у обочины.

В детстве ему было все равно, а повзрослев, он просто принял всё как должное. Но на сей раз он четко сказал, что не хочет розовую спальню — и всё равно вышло по-своему.

В груди бурлило давящее чувство, что его мнением пренебрегли, и это бесило до невозможности.

Только теперь Хань Шицзян заметил, что фон за спиной друга совсем не похож на комнату, и голос его заметно тише:

— Поругался с матерью?

http://bllate.org/book/33708/4145463